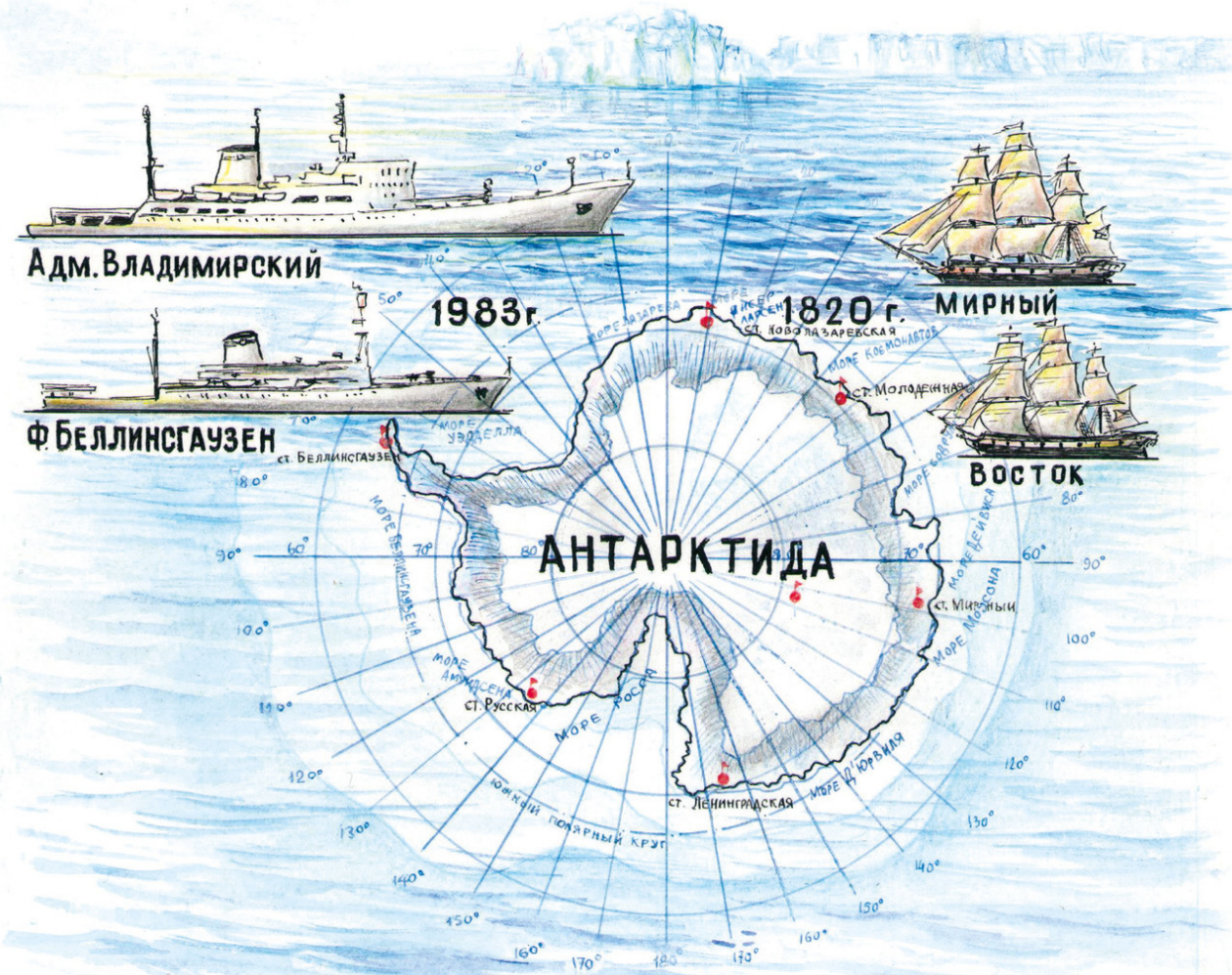

О флоте и не только...

Александр Саркисов

**СТРАНА
ХОЛОДНОГО
СОЛНЦА**

О флоте и не только...

Александр Саркисов

Страна холодного солнца

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Саркисов А. А.

Страна холодного солнца / А. А. Саркисов — «У Никитских
ворот», 2018 — (О флоте и не только...)

ISBN 978-5-00095-583-3

Это повесть о знаменательном походе гидрографических судов Черноморского флота, проходившем в то славное время, когда наш военно-морской флаг развевался на самых дальних широтах Мирового океана, а за нами была великая держава – Союз Советских Социалистических Республик.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-583-3

© Саркисов А. А., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

От автора	6
Прелюдия	7
Отдать концы!	11
Геркулесовы столбы	13
Атлантика	18
Пуп земли	24
«Furious Fifties»	29
Первый айсберг	34
Будни Антарктики	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Саркисов

Страна холодного солнца

© А.А. Саркисов, 2018

© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2018

От автора

Идет время, и многие события, о которых мы, казалось бы, все знали и помнили, постепенно забываются. Уходят из жизни участники и свидетели, пылятся на полках архивные документы. Увы, так было, так есть и так будет всегда...

Именно поэтому я и решил написать повесть, посвященную самому яркому и значительному событию моей флотской юности – походу отряда гидрографических судов Черноморского флота к берегам Антарктиды.

Начиная работу, я хотел, прежде всего, вспомнить не только собственные лейтенантские годы, но и своих товарищей-сослуживцев. Рассказать о перипетиях тех давних дней, о мужестве, профессионализме наших моряков, о том, что нам довелось пережить, увидеть и узнать в том дальнем походе.

Мы были молоды, а потому и все происходящее воспринимали порой как увлекательное приключение. Мы познавали неведомый доселе нам мир, учились быть настоящими профессионалами и только в минуты отдыха оставались такими же мальчишками, как и прежде.

Пусть же это небольшое повествование напомнит всем нам о том великом времени, когда наш военно-морской флаг развевался на самых дальних широтах Мирового океана, а за нашими плечами была великая держава – Союз Советских Социалистических Республик.

Александр Саркисов

Тот, кто бороздит море, вступает в союз со счастьем, ему принадлежит мир, и он живет, не сея, ибо море есть поле надежды.

Надпись на могиле неизвестного моряка на одном из островов архипелага Грумант (Шпицберген)

Все события и герои, описываемые в книге, вымышлены автором. Любые совпадения с реально существующими людьми абсолютно случайны.

Прелюдия

Описываемые события проходили в аккурат между Днем Конституции и Сретеньем. Командир океанографического судна «Адмирал Владимирский» капитан 2 ранга Панчук и командир геофизического отряда 23 океанографической экспедиции капитан 2 ранга Летослепов уже в который раз обсасывали идею провести в гидрографии что-нибудь такое, чтобы на весь военно-морской флот, а то и на всю страну. Мыслей было немало, но масштаб был мелковат. Два опытных гидрографа голову сломали, а нужное решение никак не приходило.

Вот уже несколько ночей кряду Панчуку снился пингвин. Жирный такой, неповоротливый, с неприятной похотливой ухмылкой. А в последний раз он еще издавал противные писклявые звуки и манил к себе крылышками-плавниками.

К чему бы это? Панчук достал старый бабушкин сонник. Потрепанная книжка Густава Миллера, изданная в конце XIX века первым русским книжным миллионером Маврикием Вольфом, содержала около двух тысяч толкований. Панчук изучил его от корки до корки, там были толкования практически на любой случай. Рыба снилась к беременности, корова – к осуществлению давних желаний, дерьмо – к деньгам, приснятся черные тучи – жди плохих известий, а про пингвина ничегошеньки.

Панчук поведал о навязчивом видении Летослепову, тот среагировал мгновенно:
– Антарктида!

Прозвучало это как Архимедова «Эврика!».

У обоих загорелись глаза: как об этом раньше-то не подумали?

Они обхаживали эту идею, как девушку. Спешка могла все испортить, здесь, как и в интимном вопросе, была важна прелюдия. Изучались материалы антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, проводились консультации с институтом Арктики и Антарктики.

Посвятить экспедицию решили приближающемуся 200-летию Севастополя с учетом того, что имена руководителей кругосветной антарктической экспедиции 1819–20 и 21 годов тесно связаны с историей и развитием Черноморского флота.

Панчук готовил план похода, а Летослепов описательную часть. Начал он с исторической справки, где отметил, что идея проведения антарктической экспедиции принадлежала адмиралу Крузенштерну и он изложил ее в записке морскому министру де Траверсе: «...Сия экспедиция, кроме главной ее цели – изведать страны Южного полюса, должна особенно иметь в предмете поверить все неверное в южной половине Великого океана и пополнить все находящиеся в оной недостатки, дабы она могла признана быть, так сказать, заключительным путешествием в сем море...»

Назначить начальником экспедиции Крузенштерн рекомендовал капитана 2 ранга Головнина, но тот находился в кругосветном плавании. Вместо него Крузенштерн выдвинул кандидатуру капитана 2 ранга Беллинсгаузена, который на тот момент командовал фрегатом «Флора» на Черном море. Предлагая его кандидатуру, Крузенштерн писал: «Он имеет особенные достоинства к начальству над таковою экспедициею: превосходный морской офицер и имеет редкие познания в астрономии, гидрографии и физике. Наш флот, конечно, богат предприимчивыми офицерами, однако из тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравниться с Беллинсгаузеном».

Однако в министерстве начальником экспедиции назначили капитан-командора Ратманова, но тот при возвращении из Испании потерпел кораблекрушение у мыса Скаген и остался на лечение в Копенгагене.

Выбора не оставалось, начальником экспедиции и командиром шлюпа «Восток» стал Беллинсгаузен. Его заместителем и командиром шлюпа «Мирный» назначили лейтенанта Лазарева.

Капитан 2 ранга Летослепов пылил томами Большой Советской Энциклопедии, пытаясь побольше узнать о людях, организовавших первую русскую антарктическую экспедицию. Начал с морского министра. Каково же было его удивление, когда он узнал, что Иван Иванович де Траверсе – французский дворянин Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе.

В некоторой задумчивости он открыл том на букву «К» и выяснил, что Иван Федорович Крузенштерн – Адам Иоганн фон Крузенштерн из остзейских дворян, сын судьи Иоганна Фридриха фон Крузенштерна и Христины Фредерики, урожденной фон Толь.

В полной растерянности он раскрыл энциклопедию на букву «Б» и впал в ступор. Фаддей Фаддеевич Беллингаузен оказался Фабианом Готлибом Таддеусом фон Беллингаузеном из остзейского дворянства.

Еще была надежда, что остзейцы – это не так уж плохо, может, это какая-то окраинная славянская община, но приговор энциклопедии был безжалостен: «...от немецкого Ostsee – Балтийское море, этническое немецкое (немецкоговорящее) меньшинство, с XII века проживавшее на восточном побережье Балтийского моря на территории современных Эстонии, Латвии и Литвы».

Летослепов решил остановиться и Лазарева не трогать, не дай бог чего.

Немного подумав, он порвал все выписки и записал в пояснительную записку: «...по маршруту экспедиции, задуманной, организованной и проведенной великими русскими мореплавателями».

Через месяц упорного труда они имели маршрут предполагаемой кругосветной антарктической экспедиции, красочно отображенный на контурной карте мира издания ГУНИО, и пафосно озаглавленную пояснительную записку – «По следам первооткрывателей – во славу Севастополя».

Главной задачей экспедиции предлагалось проведение комплексных океанографических, геофизических и других исследований в малоизученных районах Антарктики в интересах обеспечения безопасности мореплавания. Другой не менее важной задачей была задача историко-мемориальная, которая предполагала повторение маршрута экспедиции на шлюпах «Восток» и «Мирный», открывшей последний, шестой континент.

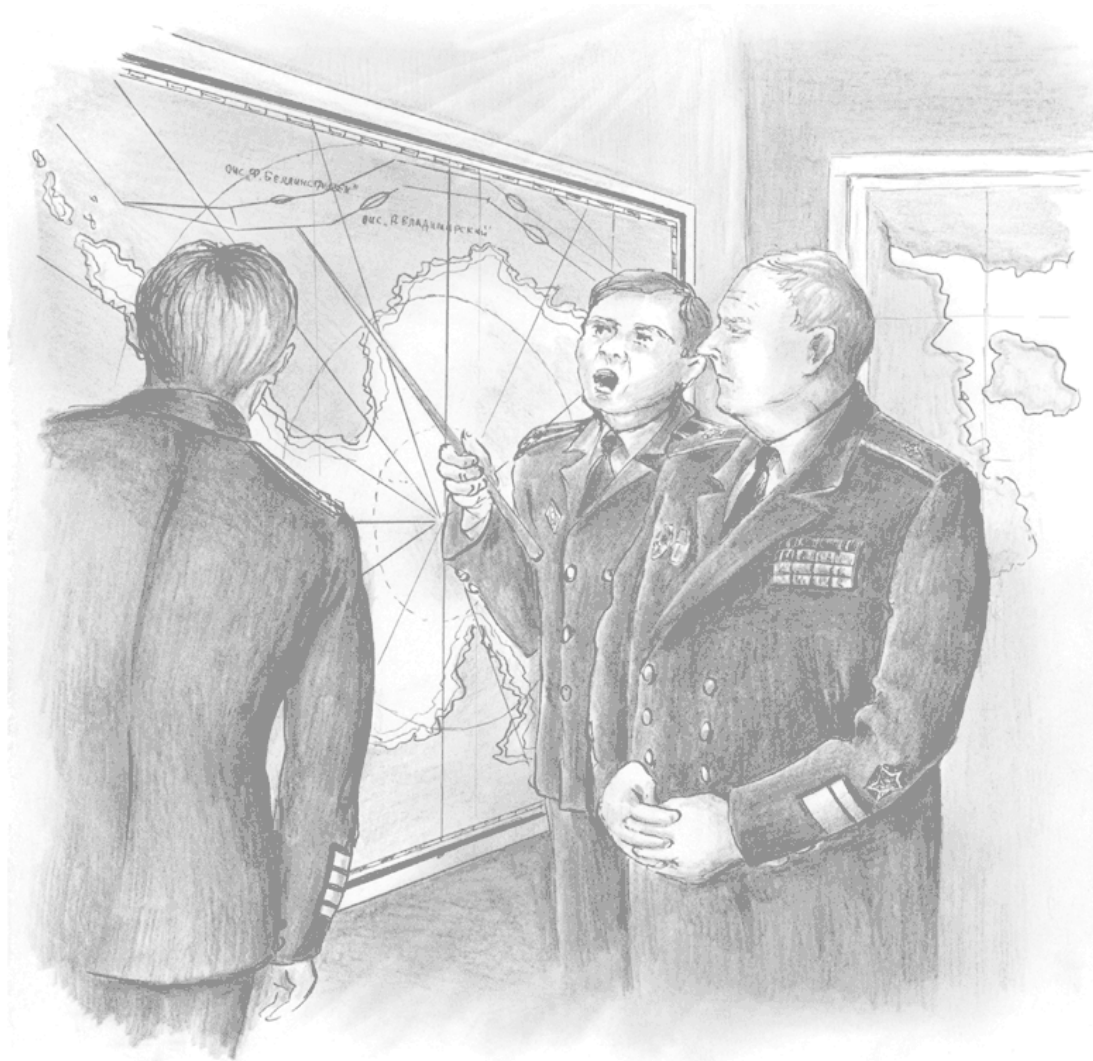
Все было готово для доклада начальнику гидрографии.

В просторном кабинете с видом на море и штаб Черноморского флота за большим дубовым столом сидел адмирал и с интересом рассматривал закрепленную на специальной подставке карту с маршрутом кругосветной антарктической экспедиции.

Капитан 2 ранга Панчук водил указкой по карте, а капитан 2 ранга Летослепов, нещадно эксплуатируя мечту адмирала о поднятии значимости гидрографии как науки, тараторил о важности результатов предлагаемой экспедиции и о том, что это прозвучит на весь мир.

– Ну что ж, неожиданно, но интересно.

Адмирал встал и подошел к карте.

– Да, интересно, но неожиданно. Только кто же на все это даст добро?

Тут Панчук и вытащил туза из рукава:

– Товарищ адмирал, так у нас же есть старший лейтенант Кувшинов.

Петя Кувшинов был штурманенком на «Адмирале Владимирском» и по совместительству внуком главкома ВМФ СССР, а это уже был реальный шанс. Начальник гидрографии немного подумал и подвел черту:

– С командованием Черноморского флота и с Главным управлением навигации и океанографии я согласую, а вы готовьте Кувшинова.

Командующий Черноморским флотом и начальник ГУНИО идею одобрили и поддержали, но решать вопрос с главкомом предложили начальнику гидрографии самому.

Тут с кондачка не подъедешь, даже имея старшего лейтенанта Петю, тут момент ловить нужно.

И такой момент настал, во время стоянки океанографического судна «Адмирал Владимирский» в порту Варна начальник Гидрографической службы был принят находившимся там на отдыхе главкомом.

На встречу он прибыл вместе со старшим лейтенантом Кувшиновым, что сразу придало встрече неофициальный характер. Очень скоро первую скрипку стала играть жена главкома, Петина бабушка, которую на флоте побаивались и уважительно называли баба Зина. Она подгоняла главкома с принятием решения:

– Ну что ты, старый, все тянешь? Петеньку кормить нужно, обед стынет.

Спорить с бабой Зиной не мог даже главком, он одобрил представленные план и научную программу похода.

Во время обеда, ласково поглаживая внука по спине, баба Зина поинтересовалась:

– А это не опасно?

Лоб начальника гидрографии покрылся крупными холодными каплями пота. Судьба экспедиции повисла на волоске. Пришлось включить искусство дипломатии:

– Экспедиция, конечно, будет непростая, но у нас надежное современное судно, прекрасные грамотные офицеры, такие, как ваш внук, и я уверен, что все намеченное будет выполнено на высоком уровне, а отличившиеся награждены.

Жена главкома с гордостью посмотрела на внука и тихо так по-бабы вздохнула:

– Ну, не знаю.

И требовательным взглядом уперлась в Главкома. Тот поперхнулся котлетой по-киевски, прокашлялся и промокнул губы салфеткой.

– Учитывая сложность и дальность похода, приказываю готовить в экспедицию два судна и обязательно иметь на борту вертолет.

Баба Зина с облегчением вздохнула:

– Вот и хорошо, мороженое после чая подавать?

Собственно, на этом прелюдия и закончилась, подготовка кругосветной антарктической экспедиции вступила в стадию планирования. Началась детальная проработка плана похода и научной программы. Вовсю готовились к экспедиции океанографические суда «Адмирал Владимирский» и «Фаддей Беллинсгаузен».

Под руководством начальника гидрографии состоялась научно-практическая конференция по проблематике предстоящей экспедиции, а венцом предпоходовых судорог стала проверка готовности судов командующим флотом.

К плановым работам добавились работы по устранению замечаний. Дел было выше крыши, и занимались ими до самого отплытия.

Отдать концы!

Все имеет начало и конец: звезды загораются и гаснут, люди рождаются и умирают, заканчивается зима и начинается весна... Все сотворенное конечно, вечен только Творец.

Конец неизбежно порождает начало, а начало приходит к завершению. Даже не будучи сутулым очастым философом с впалой прыщавой грудкой, можно с уверенностью сказать: «Все начинается с конца».

И далеко не для всех это является абстрактной философией, к примеру, у мусульман и иудеев эту мудрость наглядно иллюстрирует обряд обрезания, а у моряков она воплотилась в команде «Отдать концы!».

Как и любая философская формула, фраза «Все начинается с конца» довольно скользкая и полна двусмысленности, одни пословицы чего стоят – «Неважно, кто начал, важно, кто кончил», «Не мудрено начать, мудрено кончить», «Начиная что-либо, всегда думай о конце».

Эта важная философская установка нашла отражение не только в народном творчестве, но и в такой области человеческой деятельности, как охрана труда. В инструкции по технике безопасности при работе с главным распределительным щитом на судне записано: «...не хватйся за оголенный конец, трахнет».

Вот наконец и наступил день отплытия, закончилась бестолковая суета и бесконечные проверки, и счастье, если ты успел сделать что-то нужное, а не для проверяющих. У моряка в житейской суете, как известно, есть два приятных момента – уход в отпуск и уход в море.

Рано утром 2 декабря 1982 года прозвучала команда: «Судно к походу приготовить!»

Экипажи готовили суда к выходу в море, а провожающие вместе с экспедицией на причале Минной стенки готовились к торжественному митингу.

Оркестранты расчехляли инструменты, представители прессы бесцеремонно сыпали вопросами. Больше других бесчинствовала съемочная группа программы «Клуб кинопутешественников», и если какого-нибудь приставучего репортеришку с микрофоном можно было и послать, то внушительных размеров телекамера на плече вокругсветовского оператора действовала завораживающе, яко мудрый Каа на бандерлогов.

В конце причала показалась машина командующего флотом. Брожение кончилось, все подравнялись, оркестр застыл в готовности, а дирижер, слегка нагнувшись и вскинув руки, вполоборота наблюдал за командующим.

Машина остановилась, адмирал вышел, одернул шинель, поправил фуражку и двинулся к середине причала, ему навстречу, чеканя шаг, маршировал командир экспедиционного похода.

Дирижер дал отмашку, и над Минной стенкой зазвучал бравурный марш. Удерживая командующего в поле зрения, он отчаянно дирижировал, приподнимаясь на носках в такт музыке и описывая пятой точкой замысловатые геометрические фигуры.

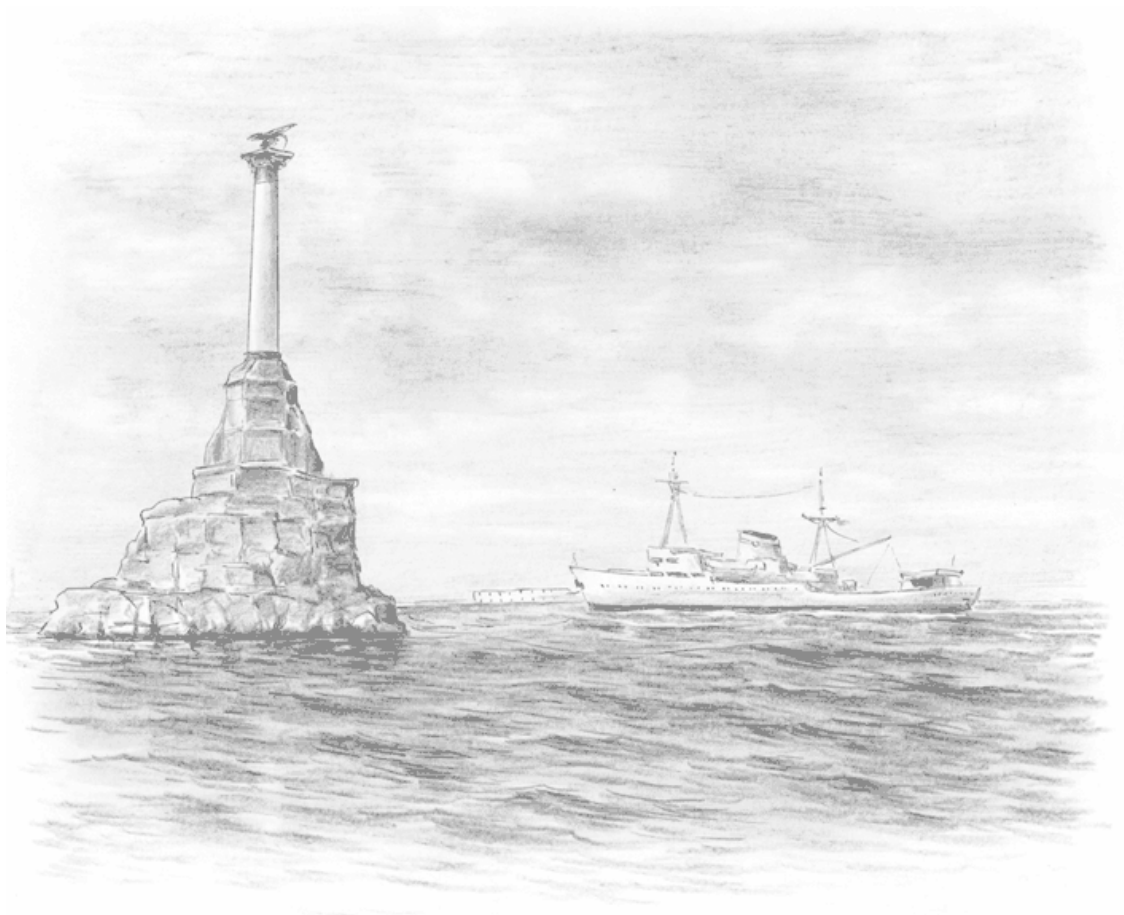
Командующий принял доклад о готовности к выходу в море и поднялся на трибуну. Он зачитал телеграмму главнокомандующего ВМФ и выступил с длинной речью, в которой отметил, что экспедиция продолжает дело наших великих соотечественников, выразил уверенность, что личный состав приложит все усилия, и пожелал благополучного возвращения.

Член военного совета напомнил о руководящей роли партии в деле изучения Мирового океана и призвал к бдительности.

Алаверды от экипажей озвучили записные передовики.

Митинг закончился, присутствие руководства и прессы сделало прощание скомканным и неискренним.

Такого количества адмиралов и представителей средств массовой информации Минная стенка никогда не видела, казалось, что и она была в каком-то торжественно-придавленном состоянии.

Получено долгожданное «добро» на выход в море, концы отданы. Вот и здорово, сразу наступила тишина, порядок и настала привычная размеренная жизнь, поделенная на вахты.

«Отдать концы» для моряка звучит жизнеутверждающе.

Первым отошел «Фаддей Беллинсгаузен», следом «Адмирал Владимирский». Боновые ворота за кормой, суда на створе Инкерманских маяков, а впереди пять месяцев тяжелого моряцкого труда.

Геркулесовы столбы

Командир «Фаддея Беллинсгаузена» капитан 3 ранга Ярин стоял на ходовом мостике, прислонившись лбом к иллюминатору, и наблюдал, как матросы под руководством боцмана собирают в ведра летучих рыб.

Вот уж воистину – «Чудны дела твои, Господи», ведь летучая рыба – это так же нелепо, как, например, подводная авиация. Удивительные эти рыбешки относятся к отряду сарганообразных, хотя больше смахивают на некрупную селедку, и от обычных рыб они ничем не отличаются до тех пор, пока не выскочат из воды и не расправят свои плавники-крылья, с помощью которых рыба парит над водой.

Ярин увлеченно разглядывал очередную рыбу, выскочившую из воды и развернувшую плавники, как два больших китайских веера. Разгоняясь, она отчаянно чертила хвостом на воде синусоиду, наконец, оторвавшись, она парила вдоль борта. Зрелище завораживало, Ярин не сдержал восторга:

– Ты только глянь! Не рыба – орел! И, главное, башкой пытается крутить по-птичьи!

Неожиданно порывом ветра рыбу подбросило и кинуло на палубу, где мозолистая матросская рука окончательно прервала полет, отправив отчаянно хлопавшую жабрами рыбу в ведро к таким же сбитым летчикам. Знатная уха будет на ужин.

Командир сел в кресло и закурил. В голову отчего-то лезли восторженные выражения о море известных людей: «Море и свобода – это синонимы», «Если море тебя печалит, ты безнадежен», «Море – великий примиритель», «Море тоже молитвенник, оно свидетельствует о Боге»...

Все это было произнесено отнюдь не моряками, а в лучшем случае пассажирами. Тут, как говорится, не нужно путать туризм с эмиграцией. Ярин, проведенный в море половину жизни, давно определил свое отношение к нему, которое выражалось в простой формуле: «Море, как женщину, можно любить, можно ненавидеть, но доверять нельзя никогда!»

С погодой не везло с первого дня, Черное море отхлестало высокой короткой волной, турецкие проливы обволокли пеленой плотного тумана, а Эгейское море встретило свинцовым небом и шестибалльным штормом.

Ничего не поделаешь, чтобы иметь возможность провести океанографические исследования у берегов Антарктиды, необходимо попасть в Южный океан, пока там лето, а лето в Антарктике приходится на наши зимние месяцы. Вот и получается, чтоб попасть в Антарктиду летом, нужно испытать все прелести зимней погоды в Северном полушарии. После прохода Тунисского пролива погода начала улучшаться, на седьмые сутки похода пересекли Гринвичский меридиан и перешли в Западное полушарие. Судовые часы в очередной раз перевели на час назад.

Зимнее море неприветливое и скучное, встречи с судами происходят не часто и на больших расстояниях. В море Альборан разошлись с отрядом американских кораблей. «Фаддей» идет в десяти милях в кильватере за «Владимирским», с первого дня работают все лаборатории, ведется комплекс океанографических исследований.

Ярин подумал, что неплохо было бы взбодрить народец, и вызвал на мостик замполита.

Старший лейтенант Абзацев поднялся на ходовой мостик, в застегнутом на все пуговицы и крючки кителе и в пилотке он здорово смахивал на немецкого танкиста.

– Вызывали, товарищ командир?

– Абзацев, нужно народ расшевелить. Только в море вышли, а они уже как мухи сонные. Придумай что-нибудь интересное.

Зам задумался, набор инструментария у него был ограничен – радио, киноаппарат, подшивка газет и, собственно, речевой аппарат самого зама.

– Товарищ командир, вот если б событие какое или еще чего, ну, чтоб повод был.

– Завтра рано утром будем проходить Гибралтарский пролив, а в экспедиции есть люди, которые первый раз в море. Как думаешь, это для них событие?

Зам и сам впервые выходил за пределы Черного моря. Он согласно кивнул.

– Ну вот и дай интересную информацию, ну, например, про Геркулесовы столбы, чтоб память у людей осталась.

Абзацев, конечно, про Геркулесовы столбы слышал, но не более. Он зашел в штурманскую рубку, штурман колдовал над картой.

– Когда Гибралтар проходить будем?

– Ориентировочно завтра в пять часов по судовому времени. Проснетесь уже в Атлантике.

– А у тебя информация по проливу есть?

– Только то, что в лоции.

Абзацев открыл лоцию: «Гибралтарский пролив, или Гибралтар, – международный пролив между южной оконечностью Пиренейского полуострова и северо-западным побережьем Африки, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном...» Далее шли координаты, описание берегов и режим гидрологии, а про столбы ни слова.

Самым большим авторитетом в экспедиции заслуженно был Марк Борисович Пятаков, к нему зам и обратился:

– Марк Борисыч, выручайте, вы про Геркулесовы столбы что-нибудь знаете?

Вопрос был обидным, но Пятаков виду не подал.

– Ты про подвиги Геракла в детстве читал?

Вопрос он задал не для того, чтоб унизить зама, ему просто нужно было понять, каков у того уровень знаний, чтоб определиться, с чего начать.

Абзацев ответил неуверенно:

– Ну, читал.

– А конкретнее?

– Конкретнее? Конюшни Авгиевы там, еще льва какого-то он убил...

– Понятно, первый класс, вторая четверть. Садись, записывай.

Пятаков терпеливо рассказывал заму про десятый подвиг Геракла, как он должен был пригнать в Микены коров великана Гермiona и как ему пришлось совершить путешествие на запад, дойдя до края Земли, где начинался безбрежный океан.

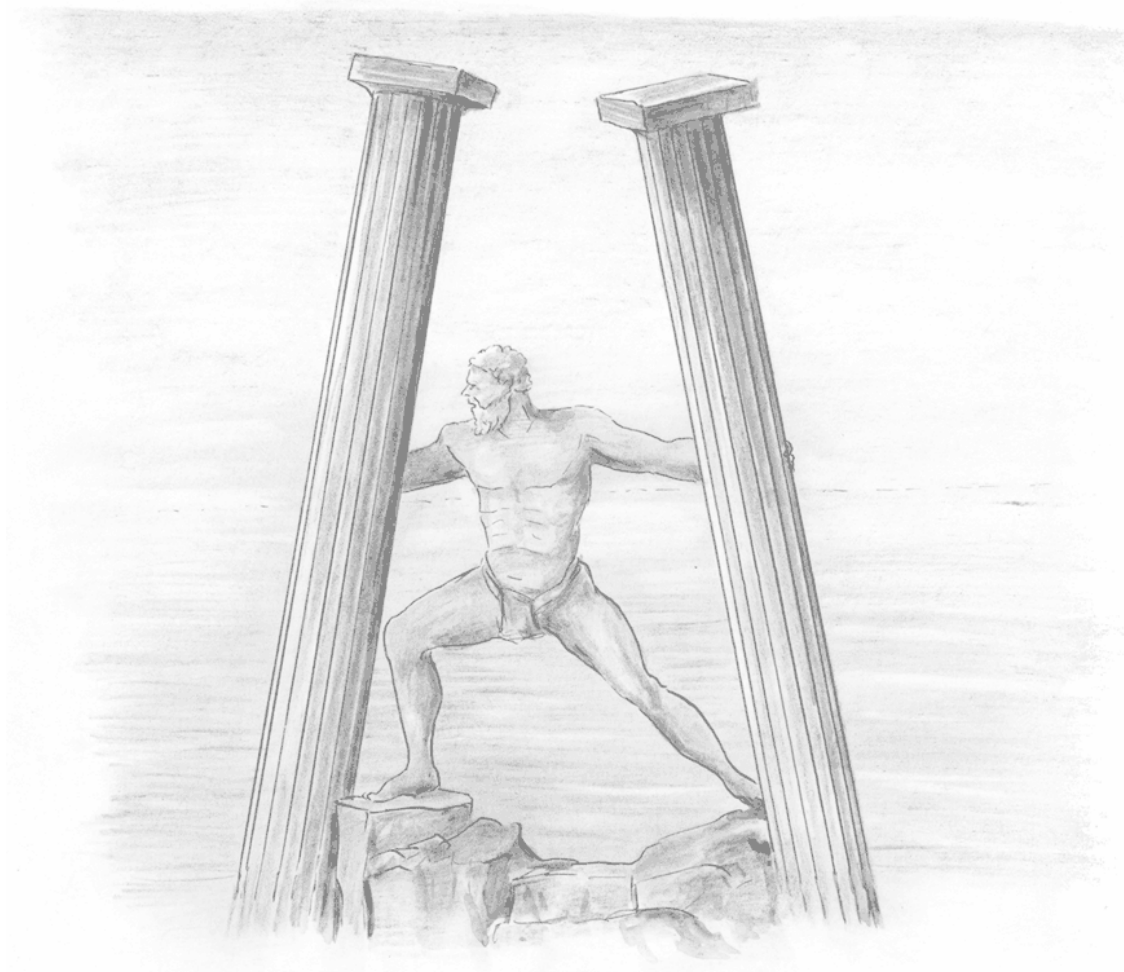
Как утверждал Платон, в честь своего подвига Геракл воздвиг две колонны, на которых была выбита надпись «NON PLUS ULTRA», что в переводе означает «ДАЛЬШЕ НИЧЕГО НЕТ».

Пятаков решил, что этого будет достаточно, и подвел итог:

– Вот, собственно, и вся история про Геркулесовы столбы.

Абзацев внимательно прочел все, что записал.

– Минуточку, Марк Борисыч, нестыковочка получается. Столбы Геракл ставил, а называются они Геркулесовы. Вы ничего не перепутали?

Пятаков такой дремучей неосведомленностью был несколько обескуражен, но все же пояснил:

– В римской мифологии Геракл зовется Геркулесом, это один и тот же человек. Кстати, посмотри на флаг Испании, там эти колонны изображены.

– А где они на местности стоят, где их увидеть можно?

Тут Пятаков уже не выдержал и решил зама подколоть. Он не стал ему разъяснять, что столбы – это миф и называют так гору Джебель-Муса в Марокко и Гибралтарскую скалу в британском владении Гибралтар, и выдал заму на голубом глазу:

– Что значит где? Так с тех пор в проливе и стоят, кстати, на их фоне можно сделать памятные фотографии.

Абзацев Марка Борисовича поблагодарил, но информацию все же решил проверить.

Он снова поднялся в штурманскую рубку.

– Флаг Испании есть?

Штурман опешил.

– Зачем?!

– Нужно.

С таким аргументом не поспоришь, штурман снял с полки справочник и показал испанский флаг.

Зам успокоился, не обманул Пятаков, меж красных полос на желтом фоне с обеих сторон герба стояли Геркулесовы столбы.

Удовлетворенный, он заперся в каюте и принялся, как мог, олитературивать полученную информацию.

После ужина Абзацев собрал экспедицию.

– Товарищи, завтра рано утром мы будем проходить Гибралтарский пролив, широко известный своими Геркулесовыми столбами. Прослушайте информацию о Геркулесовых столбах.

Далее он пересказал полученную от Пятакова информацию, обильно сдобренную междометиями и словами-паразитами.

Закончил он предложением, от которого трудно было отказаться:

– Желаящим сфотографироваться на фоне Геркулесовых столбов сбор в пять утра на баке.

Слух о том, что зам собирает народ на фотосессию с Геркулесовыми столбами, быстро разлетелся по судну.

В половине пятого, наплевав на заслуженный отдых, люди стали собираться на сигнальном мостике, уж очень хотелось увидеть, как зам будет высматривать Геркулесовы столбы.

Сдав в 4.00 вахту, штурман остался на ходовом мостике, скоро к нему присоединились старший механик и Марк Борисович Пятаков. Они устроились у лобовых иллюминаторов в ожидании Абзацева с группой энтузиастов.

Пятаков нервничал, развязка ничего хорошего ему не сулила. На замовское чувство юмора надежды не было, да и какое чувство юмора в пять часов утра.

В судовом журнале появилась запись: «4.53 вошли в пролив Гибралтар», – а на палубе появился Абзацев с фотоаппаратом на шее.

За ним гуськом семенили пятеро доверчивых членов экспедиции. Они прошли на бак, приготовили фотоаппараты и внимательно вглядывались вдаль сквозь утренние сумерки и дымку.

За ними с пионерским задором наблюдали с сигнального и ходового мостиков.

Прошло полчаса, зам подбадривал начинающих подмерзать фотографов:

– Ничего, ничего, вы повнимательней давайте, скоро появятся!

Прошло еще минут двадцать, Абзацев занервничал. Пятаков ткнул локтем штурмана.

– Выйди на крыло, скажи, что уже прошли. Надо заканчивать эту комедию.

Штурман понимал, что с этой минуты становится соучастником, но отказать Марку Борисовичу не мог.

Он вышел на правое крыло мостика и замахал руками. Зам сложил у рта ладони трубочкой и крикнул:

– Ну что там, скоро?!

– Все прошли уже, столбы по корме остались! Ничего не поделаешь, видимости нет!

Зам зачехлил фотоаппарат.

– Расходимся, товарищи, может, на обратном пути повезет.

За завтраком старший механик в деталях рассказал командиру про фотографирование Геркулесовых столбов. Тот хохотал до слез.

– А все же молодец зам, расшевелил-таки народ!

Атлантика

Над Атлантикой взошло солнце, возвестив о начале нового дня. Оставив по левому борту остров Мадейра, суда повернули на юг к Антарктиде. Попутная океанская зыбь совсем не тревожила.

После завтрака командир поднялся на мостик.

– Красота! А дышится-то как! Просто жить хочется!

Благость из него так и перла.

– Старпом, а не сыграть ли нам тревогу?

Старпом командирского ликования не разделял и уточнил:

– Пожар? Пробоина?

Океанские просторы и яркое солнце творили чудеса.

– А давай и то и другое.

Сигнал тревоги зазвенел по судну. По трансляции старпом объявил:

– Учебная судовая тревога! Пожар в гидрологической лаборатории! Пробоина в машинном отделении!

Последние слова утонули в топоте ног. Ходовой мостик превратился в главный командный пункт, и понеслись доклады.

Минут через двадцать аварийные партии с условным пожаром и условной пробойной условно справились, о чем с гордостью доложили на главный командный пункт.

– Отбой учебной судовой тревоге!

Ярин обошел судно, незло потыкав носом стармеха и старпома. Те в свою очередь отдохнули на подчиненных, возведя командирские замечания в ранг ЧП. В итоге родился план устранения замечаний, который и принесли Ярину на подпись.

Тот подмахнул не глядя, ему было скучно. Вокруг жизнь бурлит, небо с океаном воедино сходятся, а рядом с ним мышьяная возня. Скучно, масштабности нет.

Штурман вызвал гидроакустика.

– Товарищ командир, разрешите гидроакустическую станцию погонять, а то акустик скоро в летаргический сон впадет.

– Добро.

На мостике появился акустик, худой, сутулый и спокойный, как лошадь на похоронах. Выйдя на пенсию после службы на подводной лодке, он устроился на «Фаддей Беллинсгаузен». Местом своим он дорожил и станцию содержал в полном порядке.

– Разрешите включить гидроакустическую станцию?

Ярин держал паузу. Он не то чтобы акустику не доверял, он в принципе к подводникам относился с некоторой осторожностью. Они же черти такие, им чуть что – сразу срочное погружение.

Командир прикурил сигарету, глубоко затянулся и дал отмашку.

– Чего уж там, включай.

Акустик надел наушники, пощелкал тумблерами, покрутил ручки настроек и совершенно спокойно, без эмоций доложил:

– Справа 35, в дистанции 3 кабельтова, скорость 6 узлов, цель подводная идет на нас.

Ярин подошел к акустику.

– Ты там ничего не перепутал?

Пропустив мимо ушей вопрос командира, акустик доложил:

– Дистанция сокращается.

Ярин выскочил на правое крыло мостика, и тут метрах в двухстах от правого борта на поверхности показалась спина океанского гиганта и над водой взлетел огромный фонтан. Набрав воздуха, кит опять ушел под воду.

Это был синий кит – самое большое животное на планете.

Командир дурным голосом заорал:

– Обе машины стоп! Штурман, поднять трубку лага!

Тот ничего не понял, но приказание мгновенно выполнил, объявив по трансляции:

– Навигатору срочно поднять трубку лага!

Сезон размножения у синих китов приурочен к зиме, и в эту пору в теплых водах Центральной Атлантики самцы ищут себе пару. По всей видимости, этот одуревший от похоти гигант принял судно за самку.

Несколько раз он прошел под днищем, потершись о борта, но, так и не найдя место преткновения своего трехметрового фаллоса, потерял к «Фаддею» интерес.

Дав прощальный фонтан, кит скрылся в океане.

Ярин вытер пот со лба.

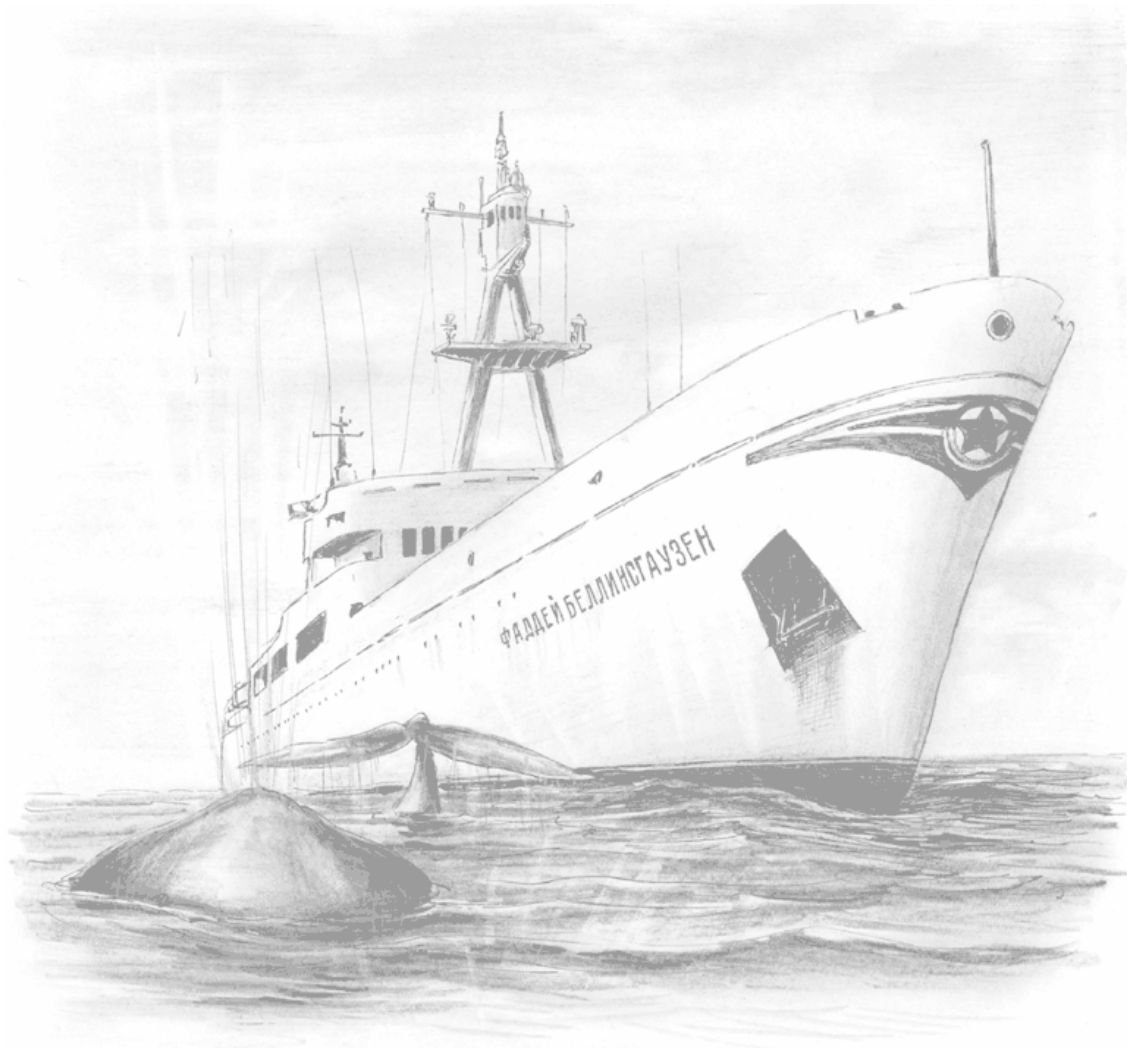
– Вот ведь приперло парня, а могли и без лага остаться.

До штурмана наконец дошло: кит сломал бы трубку лага, как спичку, и не заметил бы.

Страсти по левиафану постепенно улеглись, а прозвучавшее по трансляции «Команде обедать» и вовсе вернуло жизнь в привычное русло.

После обеда по традиции «адмиральский час», и если ты не на вахте, то просто обязан принять горизонтальное положение.

Командир прилег поверх одеяла, не раздеваясь. Организм, перегруженный событиями первой половины дня и сытным обедом, быстро ослаб и погрузился в дрему. Снился Ярину пророк Иона в чреве Левиафана.

Через полчаса картина библейского сюжета была бесцеремонно разрушена телефонным звонком. Трубка висела на переборке прямо над головой. С закрытыми глазами он снял трубку и, с трудом разлепляя со сна губы, пробормотал:

– Слушаю, командир.

На связи был старпом.

– Товарищ командир, похоже, обнаружили яхту, терпящую бедствие.

– Сейчас поднимусь.

Ярин сел на койке, потер ладонями лицо. Удивительна служба на флоте, свесил ноги – и уже на рабочем месте.

На мостике его встретил старпом и протянул бинокль.

– Вон там, посмотрите.

Командир быстро отыскал биноклем яхту, это была небольшая посудина футов тридцати с парусным вооружением бермудский шлюп. Шла она под зарифленным гротом полным бакштагом.

– Ну и с чего вы взяли, что она терпит бедствие?

– Так вон же на правой ванте флаг с шаром.

Командир присмотрелся внимательнее: действительно на ванте по правому борту болтался флаг и шар под ним. Как ни крути, а по международным правилам это сигнал бедствия.

– По радио вызывали?

– Вызывали, не отвечает.

– Старпом, доложи на «Владимирский». На руле, лево руль, держать на яхту!

Судно покатило влево, пока яхта не оказалась прямо по носу.

– Первый, я второй, прошу на связь, прием.

Сквозь треск помех пробился ответ:

– Второй, я первый, на связи.

– Первый, я второй, обнаружили яхту, терпящую бедствие. Идем к ней для оказания помощи.

Пару минут на «Владимирском» переваривали полученную информацию.

– Второй, я первый, оказать необходимую помощь и следовать далее по плану.

На «Фаддее» разворачивалась спасательная операция. Готовилась аварийная партия и рабочий катер. В такие минуты и проявляются лучшие черты характера русского человека. Если кому помощь нужна, если спасти кого, то тут для него препятствий нет, тут он и на самопожертвование готов.

О том, что судно идет спасать яхту, сразу стало известно всем.

На мостике в сильном возбуждении появился обычно тихий и скромный доктор физико-математических наук Розенталь из Харьковского института радиоэлектроники. Страшно картавя и потряхивая меньшевистской бородкой, он протянул командиру петицию с требованием включить в состав спасательной группы членов экспедиции.

– Товарищ командир, когда речь идет о спасении жизни, ни один русский человек не может оставаться в стороне.

Ярин видел, что в таком состоянии ему ученого не вразумить.

– Хорошо, товарищ Розенталь, я обязательно подумаю.

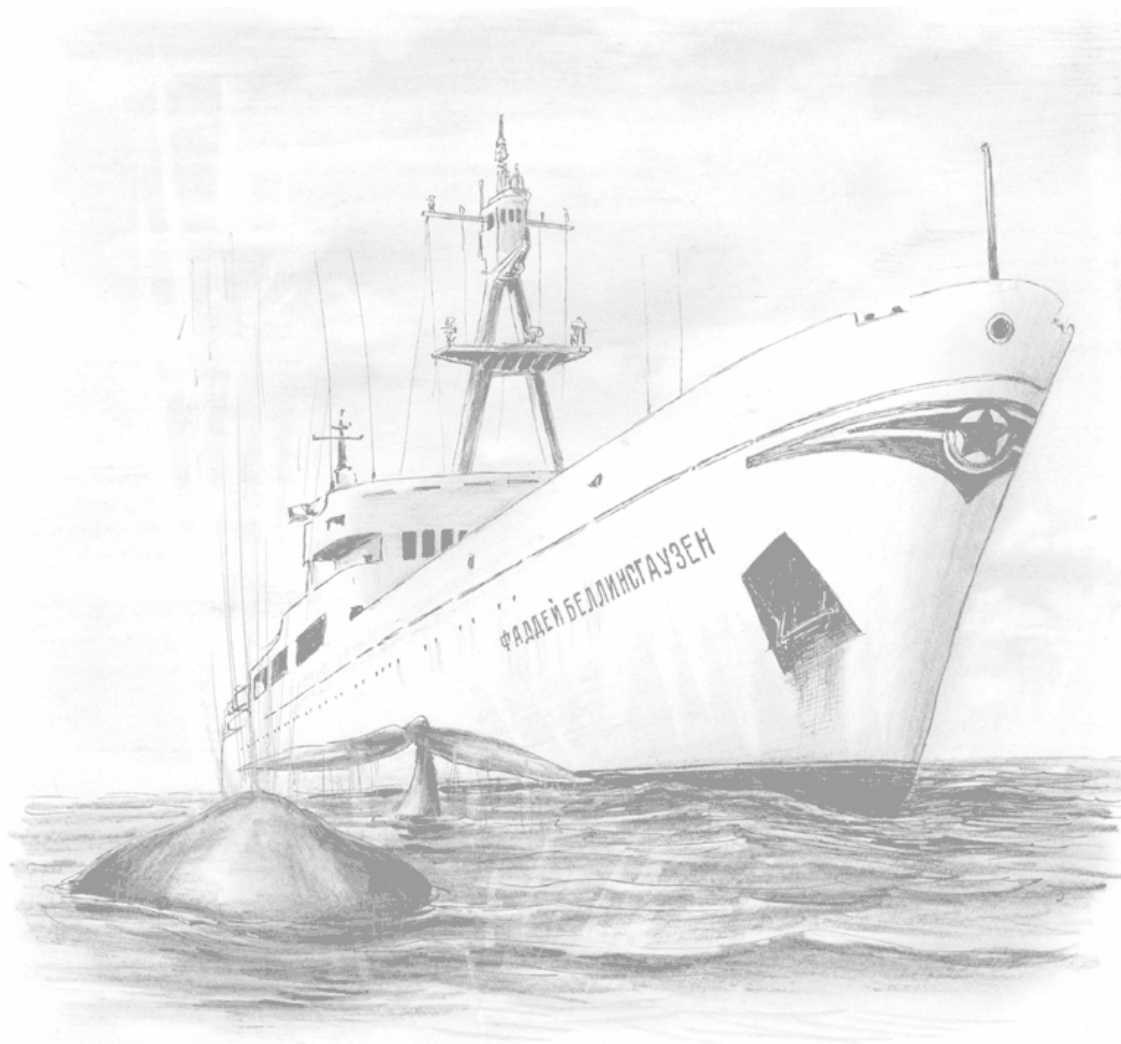
Доктор наук с чувством исполненного долга удалился.

Дистанция до яхты сокращалась, начали подавать сигналы наутофоном. Реакции не последовало.

Командир взглядылся в бинокль, появилось неприятное ощущение. Так бывает, когда делаешь что-то не то.

– Старпом, а ну посмотри повнимательней. Мне это кажется?

Старпом молча разглядывал яхту.

– Ну, что молчишь?! Скажи на милость, какой флаг, какой шар?!

Теперь, когда судно сблизилось с яхтой, стало отчетливо видно, что шар – это радиолокационный отражатель, а над ним развевался «Юнион Джек» – союзный гюйс, флаг Соединенного Королевства. На корме читалось название «OYSTER», что означает устрица.

Катер уже приспустили для погрузки аварийной партии, по шкафуту бежал опаздывающий доктор с огромной сумкой. Не добжав метров десять, он поскользнулся, упал и вывихнул ногу.

До яхты оставалось не более ста метров, и командир дал команду еще раз дунуть наутофоном. Такой рев не услышал бы только мертвый.

В кокпите яхты появилась перепуганная, взлохмаченная немолодая тетка. «Фаддей» застопорил ход и лег в дрейф.

С яхтой наконец установили связь. Оказалось, что престарелая леди путешествует в одиночку и у нее все в порядке. Просто она отдыхала и не слышала ухаживаний «Фаддея». Идет она из Англии на Канарские острова, и помощь ей не нужна. Есть только одна просьба – не подходить к ней так близко.

Командир в сердцах чертыхнулся:

– Ну же, мать твою, устрица! Поднять катер! Ход 12 узлов, рулевой, ложись на прежний курс!

Закрепляя катер по-походному, боцман придавил себе руку стопором.

Из штурманской рубки показался штурман с военно-морским разговорником в руках.

– Товарищ командир, может, ей счастливого плавания пожелать?

– Вот молодежь, учишь их, учишь. Запомни, плавает только говно и чемоданы. Пожелай этой устрице семь футов под килем.

Ярин спустился в каюту и зашел в галюон. Судно закончило поворот, и качка изменилась, командир не удержался и с размаху грохнулся на толчок. Стульчак красного дерева развалился, и он разбил задом унитаза.

Доктора пришлось ждать долго, он оказывал первую помощь боцману, а потом, еле волоча больную ногу, добрался до Ярина.

С командирским задом доктор работал как реставратор с шедевром да Винчи. Не жалея йода, он смазывал порезы и при этом старательно дул. Аккуратно положенный пластырь завершил процесс восстановления.

Кряхтя, прихрамывая и проклиная старую англичанку вместе с ее устрицей, Ярин поднялся на мостик, нужно было доложить на «Владимирский».

– Первый, я второй, прошу на связь.

– На связи первый.

Не вдаваясь в детали, командир доложил:

– Спасательная операция завершена, потерь нет!

Над Атлантикой сгущались сумерки. Взошла яркая луна, похожая на дыню-«колхозницу», на небосводе начали появляться первые звезды, прибитые золочеными гвоздиками к вечности.

Ярину вспомнились чьи-то строчки:

Я крупица в храме, Богом данным.

Это много. Это ничего.

В трепете сливаюсь с океаном.

Чувствую энергию его.

Пуп земли

На восемнадцатые сутки экспедиционного похода суда вошли в Гвинейский залив и подошли к экватору. Море пустынное – ни судов, ни птиц. Температура под тридцать, большая влажность, душно и нет яркого знойного солнца, на экваторе оно белое, как будто подернуто кисеей.

Несмотря ни на что, настроение у всех приподнятое, ведь после обеда переход экватора, а это для моряка великий праздник!

История у него богатая, как писал Н. Боголюбов: «Начало его должно искать с того времени, когда португальцы проникли за мыс Доброй Надежды».

В районе экватора парусные суда частенько задерживались длительными штилями. Продолжалось это безветрие неделями, а то и месяцами, у экипажей заканчивалась провизия и вода, многие погибали от голода и жажды. Суеверные моряки обратили свой взор в сторону владыки морей Нептуна. Они придумали праздник, чтобы ублажить морского царя и просить его о попутном ветре.

На военном российском флоте праздник Нептуна впервые отпраздновали в ноябре 1803 года на шлюпах «Надежда» и «Нева», которыми командовали капитан-лейтенанты Иван Федорович Крузенштерн и Юрий Федорович Лисянский.

В эпоху парусного флота моряки, пересекавшие экватор в этом месте, получали право носить золотую серьгу в левом ухе и сидеть в портовых кабаках, положив ноги на стол.

Прошло почти двести лет, опасность пересечения экватора миновала, а праздник остался. Живучи, черт побери, флотские традиции!

«Фаддею Беллинсгаузену» и «Адмиралу Владимирскому» предстояло пересечь экватор по нулевому меридиану. У моряков всегда считалось особенно почетным пересечение экватора в точке начала отсчета широты и долготы. Называют ее Пупом Земли или Золотой точкой.

Командир в приподнятом настроении мерил шагами мостик.

– Штурман, повнимательнее давай! Выводи точно в ноль, а то сам знаешь!

– Не волнуйтесь, товарищ командир, все будет в порядке, комар носа не подточит.

– А мне-то чего волноваться? Это ты волнуйся, командуй, давай, выводи в точку.

Штурман поколдовал над картой и скомандовал:

– Руль лево 10, ход 3 узла!

– Есть лево 10!

Судно сбросило ход и развернулось левее.

– На румбе 165, ход 3 узла!

– Есть! Товарищ командир, через пять минут будем в Золотой точке.

Капитан 3 ранга Ярин устроился напротив приемо-индикатора спутниковой навигационной системы и внимательно следил за тем, как меняются в электронных окошках значения широты и долготы.

Наконец все регистры обнулились, на приборе горели двенадцать нолей.

– Обе машины стоп! Штурман, запиши в судовой журнал: «Застопорили ход, легли в дрейф в Золотой точке. Широта 00 00 00, долгота 00 00 00».

Ощущение было странное, далеко не каждому моряку выпадает пересечь экватор, а уж тем более побывать на Пупе Земли, но вокруг ничего особенного – вода до горизонта. Это у человека пупок деталь примечательная и даже в некотором роде сексуальная, а тут, несмотря на то, что это Пуп Земли, никаких признаков исключительности места.

Обед прошел скомканно, все ждали начала праздника.

Боцманята незаметно спустили рабочий катер, в него быстро погрузились Нептун со свитой. Тихонько оттолкнувшись, они перешли к носу судна и спрятались под подзором.

После обеда, как и водится, свободные от вахт собрались на юте покурить, расслабиться, потреться, сыграть в шеш-беш или забить козла.

Неожиданно в воздух полетели сигнальные ракеты, получился целый салют, вокруг судна с шумом, визгом и гиканьем начал кружить рабочий катер, на котором восседал Нептун со свитой. Все рванули на грузовую палубу, там у открытых портиков уже стоял командир в белой парадной форме.

Катер подошел к борту, первым по трапу поднялся Нептун с короной на голове, золотым трезубцем в правой руке и с бородой-мочалкой до пояса. За ним поднялся звездочет в огромных очках, цепляясь за все, что можно, длинным колпаком, усеянным звездами, а уж за ним и все остальные – русалка, черти и виночерпий.

Нептун треснул трезубцем по палубе и страшным голосом протрубил:

– Кто такие?! Как посмели?!
Разбудить меня сумели!!!

Дружно заголосили черти:

– Это знают все вокруг,
Что Нептун наш лучший друг!
А когда на борт взойдет,
Карасям конец придет!

Нептун снова треснул что есть мочи трезубцем по палубе.

– Тихо!

Я Нептун – морской властитель,
Рыб лукавых повелитель!
Мой дворец на дне морском,
Весь усыпан янтарем!

Тут вперед выступил командир.

– Здравствуй, Нептун – владыка рек, морей и океанов! Мы рады приветствовать тебя на борту нашего судна!

Нептун взмахнул рукой.

– Черти – виват морякам!

Нептун обнял командира.

– Ба! Да это же мой старый знакомый! Приветствую тебя в своих владениях, прости, не признал сразу. Встречались мы неоднократно, и многие из твоего экипажа мне знакомы. Знаю, не утратился ты ни штормов, ни ураганов, и уберег свое судно от многих напастей, и людей своих в обиду не дал! Такому моряку я всегда рад, виват командиру!

Черти, измазанные отработкой, с рожками на голове, в набедренных повязках, запрыгали и заголосили:

– Виват! Виват! Виват!

– Но по традиции должен я устроить тебе испытание. Готов ли ты перерубить канат, что экватор собой означает?!

Черти поднесли Ярину канат и деревянный топор.

Он повертел его в руках, потрогал пальцем «лезвие».

– А не найдется ли у тебя, владыка, топора поострее, чтоб закончить это дело и начать праздновать? Проси взамен чего хочешь!

– Все я знаю, все видел, но одной вещи не пробовал. Говорят, в землях ваших далеких из воды да из зерен хлебных умеют живую воду изготавливать. Не богат ли ты, часом, таким нектаром божественным?

– С превеликой радостью, владыка! Окажи честь, прими сей скромный дар!

Командир протянул Нептуну литровую бутылку «Столичной». Тот передал водку виночерпию, черти вручили Ярину остро отточенный топор. Он размахнулся так, что слетела фуражка, и с первого раза разрубил канат. Черти пустились в пляс.

– Удачи тебе, командир! Попутного ветра и семь футов под килем! А с теми, кто здесь в первый раз, я еще побеседую!

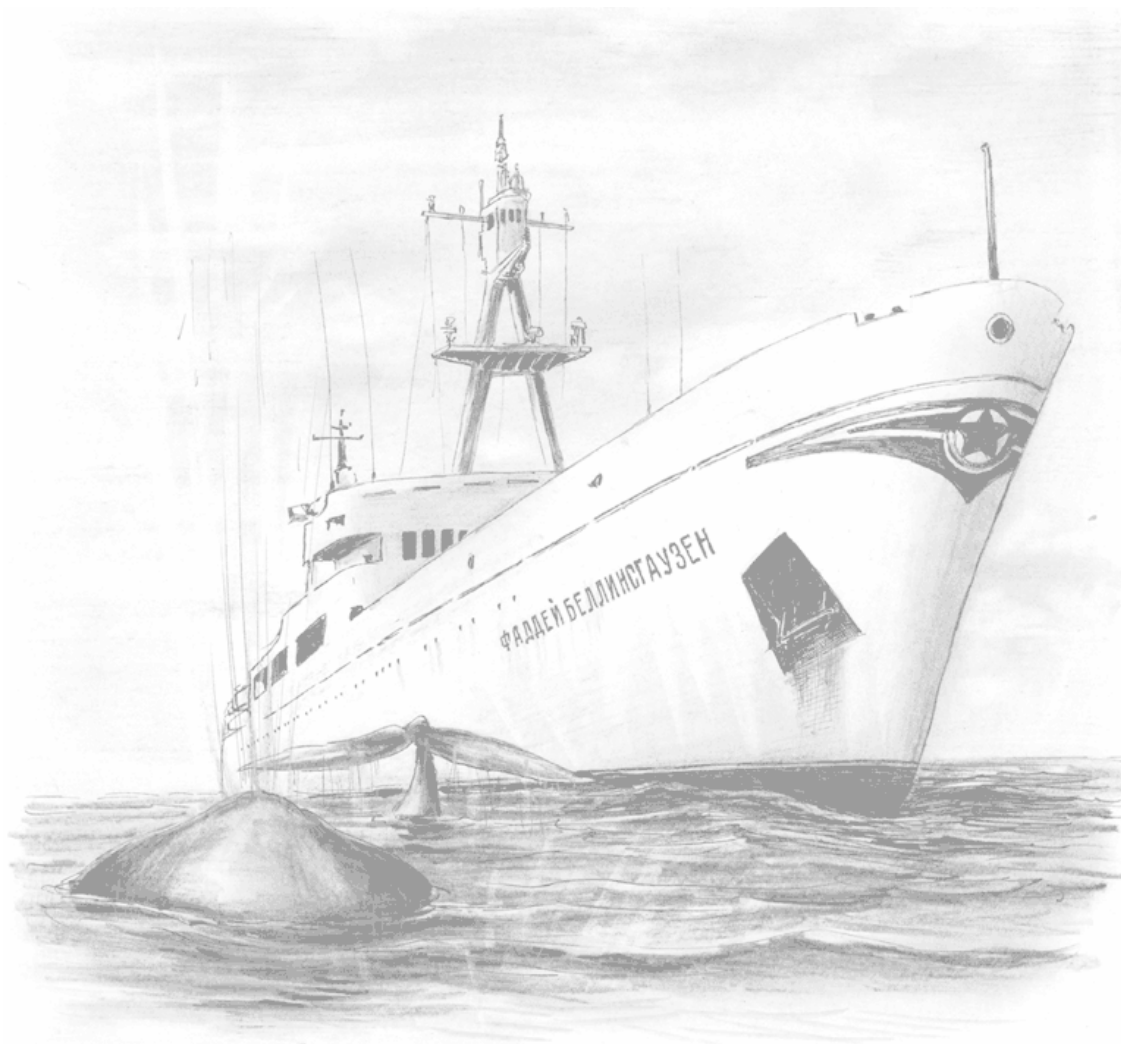
Нептун и Ярин сели в украшенные морскими звездами, ракушками и водорослями кресла, свита разместилась вокруг них. Черти начали кричалку:

– Это знают даже дети –
Нет чертей страшней на свете,
А из всех чертей морской –
Самый лютый и крутой!

Если ты моряк отменный,
Вот те кубок здоровенный,
Ну а кто ни так ни сяк –
Получай тогда в пятак!

Звездочет поправил на голове колпак, развернул свиток с фамилиями тех, кто пересекал экватор в первый раз, и начал читать:

– Моторист 2 класса Федюкин!

Черти бросились ловить пытавшегося удрать молодого моториста. Волоком притащили и засунули в чистилище – брезентовую трубу, измазанную внутри сажей и отработкой.

Из чистилища он вылез чумазым до неузнаваемости. Черти подхватили его и бросили в купель. После чего главный черт шлепнул ему меж лопаток печать с трезубцем, а Нептун под общие овации выдал охранную грамоту – диплом в честь перехода экватора.

Звездочет безжалостно продолжал:

– Инженер-метеоролог Кобылкина!

Черти взяли под руки не сопротивлявшуюся, морально надломленную пышнотелую тетку. Она выставила вперед специально припасенную для этого случая бутылочку коньяка.

– Возьмите выкуп!

Черти отдали коньяк виночерпию, он покрутил бутылку в руках и взглянул через нее на свет.

– Не ведаю, что это за напиток такой. В чистилище ее!

После чистилища и купели, перемазанная, мокрая, она стояла на четвереньках и растерянно озиралась. Платье у нее задралось на спину, главный черт не удержался (тут уж никто бы не удержался) и вlepил печать царя морей на толстый, деbелый зад инженера-метеоролога.

Левое полужопие с изображением трезубца колыhalось, как новогодний холодец.

С дипломом в руках, потерявшая веру в людей и совершенно растерянная, она подошла к заму.

– Как же так, я же им выкуп дала!

Зам смущенно отвел глаза.

– А что с них возьмешь, голубушка, это ж черти.

Потом еще десятка полтора человек протащили через чистилище. «Крещеные» Нептуном отмывались в душе, остальные веселились как могли. Праздник удался!

Не отдыхалось только морским геологам. Решили они взять пробу грунта в Золотой точке. Вокруг них изголодавшимся оводом вился особист, ему казался очень подозрительным такой трудовой порыв на фоне всеобщего гулянья, и он поделился сомнением с командиром.

Ярин попытался объяснить ему значимость события:

– Ну ты даешь! Для геолога грунт из Золотой точки – это как для скрипача скрипка Страдивари!

Поза и взгляд особиста говорили о том, что объяснение его не впечатлило. Ярин поскреб пятерней затылок.

– Как бы тебе пояснить? Ну, это как для тебя наган Держинского.

У особиста глаза полезли на лоб.

– Что, все так серьезно?!

Геологи провозились больше трех часов. Наконец керн был на палубе, особист растолкал локтями любопытствующих.

– Тьфу ты! Глина как глина, ничего золотого в ней нет.

Посмотрел на счастливых геологов как на юродивых и еще раз сплюнул.

Те проводили его взглядом, каким провожают неизлечимо больного на операцию с исходом 50 на 50.

В 00 часов дали ход, командир обошел судно – на вахте все бодрые, свежие, делом заняты, как будто и не было никакого праздника, а в море по-другому и быть не может.

Утром встали на якорь на рейде Луанды. На якорной стоянке никого, кроме наших судов. Океан спокойный, дымка, температура воды 29 градусов.

Начали пополнение запасов топлива и воды. Шипшандлер приволок полную баржу свежих овощей и фруктов.

На берег практически никто не сошел, нечего там делать, в этой вечно воюющей нищей стране.

Заход прошел быстро и неинтересно. Ну а теперь без остановок строго на юг, к Антарктиде.

«Furious Fifties»

Неформальные названия широт сложились у моряков еще в те романтические времена, когда на морях господствовал парус и паровые машины еще не завлакивали дымом горизонт. Например, в 30 градусах к северу от экватора широты изобилуют слабыми ветрами и штилевой погодой, и из-за длительных задержек остро ощущался дефицит воды и продовольствия. Моряки были вынуждены сбрасывать за борт лошадей, откуда и название – «лошадиные широты».

Название 40-х широт Южного полушария, для которых характерны сильные западные ветры и частые штормы, – «ревущие сороковые».

Пояс между 50-й и 60-й широтой неподалеку от берегов Антарктиды за свою злонравность получил имя «неистовые пятидесятые». В те времена бесспорными фаворитами морей были англичане, и названия, естественно, звучали на их языке – «furious fifties». Иногда эти широты называют «воющими».

Полярные восточные ветры начинаются на 60-х, которые прозвали «пронзительными шестидесятыми».

На планете есть немало мест, где возникают ветры с дикими скоростями (тайфуны, торнадо), но все они очень скоротечны. На Земле есть только одно место, где ветрено постоянно, – это Южный океан, и если спросить бывалых моряков о самых штормовых местах, то они уверенно укажут именно на него.

Позади Золотая точка и Новый год, и то и другое отмечено с размахом. Распределилась и сфера деятельности судов, нагруженный адмиралами с пресс-группой «Адмирал Владимирский» гордо нес советский флаг по морям и океанам, а «Фаддей Беллинсгаузен», который начальник гидрографии в шутку называл «корабль усатых лейтенантов», пахал как ломовая лошадь.

«Ревущие сороковые» проскочили с попутными работами, «неистовые пятидесятые» встретили свинцовым небом и горбатым морем. «Адмирал Владимирский» пошел дальше на юг выполнять почетную миссию «открытия» Антарктиды, а «Фаддей Беллинсгаузен» остался работать на гидрологическом полигоне.

Все нормальные моряки стараются как можно быстрее проскочить эти беспокойные места, а у гидрографов все не как у людей. Тут философия совсем иная: если для судоводителя посадка на мель – это навигационное происшествие, то для гидрографа – открытие.

Предстоящая постановка многосуточной автономной буйковой станции и производство разовых гидрологических станций в штормовых условиях дело не из приятных – ни поспать тебе, ни пожрать спокойно, ни работу сделать как надо.

На ходовом мостике, в штурманской рубке проходило стихийно созванное совещание. Сидя в кресле, председательствовал начальник штаба капитан 2 ранга Гапонов, на диванчике у переборки расположились командир капитан 3 ранга Ярин и начальник экспедиционного отряда капитан 2 ранга Парашин. Штурман стоял, опершись задом о прокладочный стол, и сосредоточенно крутил в руке карандаш, пытаясь пересчитать его грани.

Ситуация была непростая, и Гапонов не стал оригинальничать, а позволил себе процитировать Чернышевского:

– Ну что, господа гидрографы, что делать будем?

Командир не задумываясь отрезал:

– А что тут думать? Надо докладывать начальнику и отменять все к хренам собачьим!

– Минуточку.

Начал нудить Парашин:

– Вы хоть понимаете, какое научное значение будут иметь наши исследования?

Ярин смерил его презрительным взглядом и про себя подумал: «Ну-ну, ты чужими руками орден себе зарабатываешь, а я геморрой», – а вслух уже без злобы произнес:

– Да ты на себя в зеркало посмотри, где ты, а где наука?!

Гапонов оторвал штурмана от важного занятия:

– Уточни прогноз у метеорологов.

Штурман снял трубку телефона и набрал номер метеолаборатории. После седьмого гудка трубка ответила ленивым голосом:

– Начальник метеолаборатории старший лейтенант Леонтьев, слушаю вас.

– Лео, уточни прогноз на ближайшие сутки.

Ни секунды не колеблясь, Леонтьев уточнил прогноз:

– Полное говно!

Дело в том, что у него была своя собственная шкала прогнозов: нормально, так себе, говно и полное говно. Каждому определению соответствовала конкретная погода, и все это знали.

Штурман повесил трубку и доложил Гапонову:

– Товарищ капитан 2 ранга, ожидается северо-восточный ветер до 25 метров в секунду, море 7 баллов с ухудшением прогноза.

Ярин взорвался:

– Если мы станцию и поставим, то наверняка потеряем!

Начальник штаба в дискуссии не участвовал, он понимал, что командир прав, но при этом был уверен, что Парашин будет ныть перед начальством, доказывая, что станцию поставить было возможно и по вине команды не проведены важные исследования. Подумав, он справедливо рассудил, что лучше получить фитиль за то, что сделал, а не за то, чего не сделал. Не так обидно.

– Командир, идем в точку постановки буйковой станции.

Это уже был приказ, и его не обсуждали. Гапонов склонился над картой, до места постановки станции идти минут сорок, гидрологический полигон представлял из себя раскрученную вокруг буй улитку размером 30 на 30 миль. Нужно было произвести 50 гидрологических станций через каждые 10 миль. Понятно, что в таких условиях о работе с батометрами и речи быть не могло, но на всякий случай, чтобы на корню пресечь фантазии Парашина, Гапонов скомандовал:

– Передайте гидрологам: работать только с отрывными термозондами!

Гидрологи вместе с боцманской командой готовились к постановке буйковой станции. Подняли из трюма буй и вынесли из лаборатории приборы – 12 автономных цифровых измерителей температуры и течения и 12 буквопечатающих вертушек. Гирлянда получалась внушительная, такую быстро не поставишь.

Из штурманской рубки показалась голова штурмана.

– Товарищ командир, вышли в точку постановки буйковой станции.

И началось, хорошо отработанный экипаж и опытные экспедиционные гидрологи крутились, как швейцарский часовой механизм. Оставалось закрепить на тросе несколько приборов, и можно вываливать буй за борт.

Парашин забился в угол за радиолокационной станцией «Дон» и наблюдал за постановкой через иллюминатор, как будто подглядывал в замочную скважину. Судно мотало из стороны в сторону, и командиру с трудом удавалось удерживать его на месте. Палубу давно и плотно накрыло ненормативной лексикой, а Парашина не покидало ощущение, что сейчас его начнут бить. Гапонов не сдержался:

– А ты чего не на палубе?! Иди, командуй своими людьми!

Парашин втянул голову в плечи и, озираясь, огрызнулся:

– Там есть кому руководить.

Буй опустили за борт и отдали стропы, окрашенный в красно-белую полосу с надписью «СОБСТВЕННОСТЬ ВМФ СССР», он сразу начал удаляться от борта.

Штурман записал в судовой журнал время, отсчет лага, координаты, глубину, погоду и характеристики буйковой станции. Проверил написанное и с удовольствием добавил: «Многосуточная буйковая станция поставлена по настоянию начальника экспедиционного отряда капитана 2 ранга Парашина». Даже почерк у него получился какой-то ехидный.

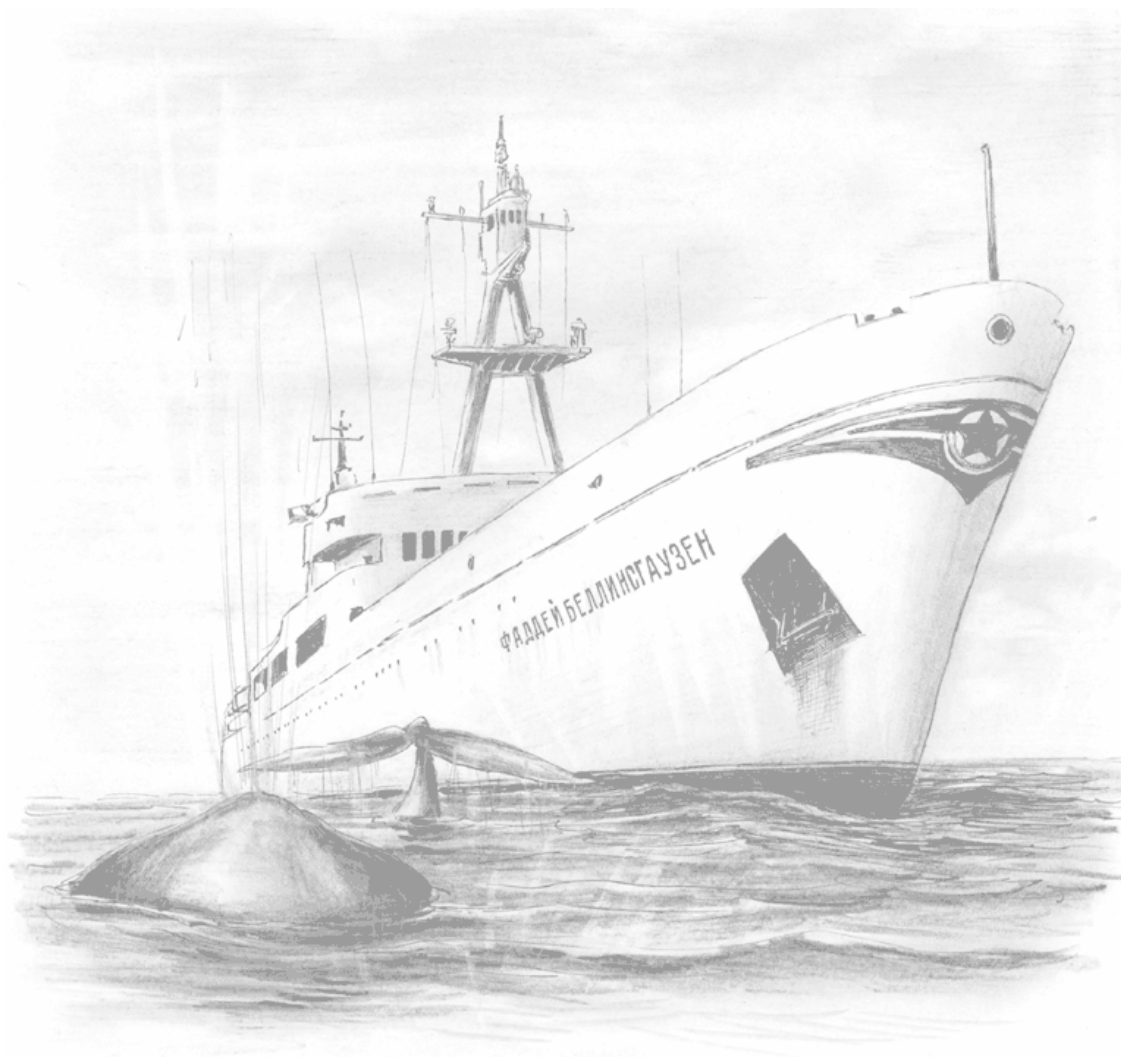
Штурман позвонил гидрологам, была вахта лейтенанта Холодцова, который готовил термомозонды к работе.

– Холодцов, через тридцать минут будем в точке производства первой станции.

– Принято.

В принципе у него все было готово, оставалось одеться потеплей и не забыть страховочный конец. Взяв приборы, он вместе с инженером-гидрологом вышел на палубу. Вой ветра и ледяные брызги, больно секущие лицо, несколько охладили трудовой порыв. Судно в очередной раз подбросило и обрушило, Холодцов не удержался и, высоко подкинув ноги, впечатал задницу в палубу.

– Какой мудака?!

Хотя предложение и было построено как вопросительное, звучало оно как утверждение, но ни в коем случае это не было ругательством. Если у вас в обиходе приняты выражения «взять за яйца» и «пошел в жопу», то в такой стиль органично впишется и «мудака». Такие

понятия, как приличие и вульгарность, в расчет не берутся – на флоте благородных девиц нет. Девицы есть, а благородных нет.

Слово «мудак» меткое, полезное и универсальное, оно описывает абсолютно конкретное явление – особь с определенным набором личностных качеств – и является совершенно исчерпывающей характеристикой их носителя.

Флотская специфика, как водится, добавляет колорита. Для любого лейтенанта командир мудак, а для командира любой лейтенант как минимум мудак. А с точки зрения отставника мудаки все, и адмиралы, и лейтенанты, потому как одни «флот просрали», а другие «ни хрена не могут», и вообще раньше все было лучше и правильней.

Перефразируя слова известного поэта Евгения Евтушенко, можно с уверенностью сказать: «Мудак на флоте больше, чем мудак».

Но не все так печально, конечно, мудаки на флоте есть, но их не больше, чем в других видах Вооруженных сил, да и крик души лейтенанта Холодцова имел точного адресата – все знали автора сложившейся ситуации.

Погода ухудшалась на глазах, барометр уверенно падал, прогноз Леонтьева оправдывался на сто процентов.

К утру потеряли буй, никто особо не переживал, все были к этому готовы. Парашин понимал, что пришло время назначать виновных, и стал собирать объяснительные. Работы на полигоне прекратили и начали поиски буйковой станции.

Шли вторые сутки поисков, надежды оставалось все меньше, а погода становилась все хуже. Если в светлое время суток еще можно было уберечь судно от заваливания и ударов, то ночью, в кромешной тьме, это было невозможно. Беспомощность перед стихией ощущалась в полной мере.

Гапонов с командиром не спускались с мостика. Сильное волнение не давало возможности обнаружить буй с помощью радиолокации, экран радиолокационной станции был засвечен огромными волнами. Даже если бы и улыбнулась удача и буй бы обнаружили, то поднять его вместе с приборами все равно не смогли бы.

Чем сложнее ситуация, тем больше людей на ходовом мостике. Инстинкт подсказывал, что рядом с командиром безопаснее. К полуночи подтянулись старший механик и замполит.

Гапонов стоял, держась за поручень пульта управления, его не покидало чувство, что что-то не так.

– Штурман! А где чехол на пульт управления?

– Да его здесь сроду не было. По крайней мере, я его никогда не видел. Зачем он нужен?

Гапонов по отношению к молодежи был терпелив и заботлив и при любой возможности передавал салагам опыт.

– Запомни, морю доверять нельзя никогда! Ты пойми, без твоих мозгов и рук судно всего лишь кусок железа, и против крепкого шторма ему без тебя не выстоять. Ты должен уметь предусмотреть любые варианты и быть к ним готовым.

Штурман внимательно выслушал, правда, не понял, при чем здесь чехол на пульт управления, и послал навигатора его найти. Вскорости тот притащил на мостик бесформенный, пыльный, пахнувший затхлостью ком брезента. При других обстоятельствах он бы получил крепкую взбучку – грязь на мостике не комильфо, но теперь он вместе со штурманом растянул чехол, и они накинули его на пульт управления, стянув понизу крепежными концами.

Судно, содрогаясь, скрипя и постанывая, с трудом забралось на очередной гребень, задержалось на мгновение и рухнуло вниз. Многотонная стена воды обрушилась на судно. Удар был такой силы, что выбило лобовой иллюминатор и вода хлынула в аккурат на пульт управления. До штурмана дошло, зачем нужен чехол.

На мостике вода гуляла по комингсы. Страшно было подумать, что бы произошло, если бы не было чехла, – пульт залило бы водой и короткое замыкание оставило бы судно без управления.

На место выбитого иллюминатора засунули туго свернутый матрас, сразу стих вой ветра и перестала поступать вода. Уцепившись кто за что смог, все тревожно всматривались в непроглядную темень. Это был коллективный молебен первичной парторганизации судна.

Командир вызвал шифровальщика.

– Пиши: «По погодным условиям поиск буйковой станции прекращаю. Командир».

Обычно сонный мичман с энтузиазмом бросился готовить донесение адмиралу.

Цепляясь за поручни, на мостике появился начальник экспедиционного отряда.

– Штурман, ты-то мне и нужен. От тебя объяснительной до сих пор нет.

– Извините, товарищ капитан 2 ранга, если командир прикажет, напишу.

Ярин принял соломоново решение.

Штурман переписал из судового журнала сведения о постановке буйковой станции и в конце добавил: «Выписка верна, командир ОИС “Фаддей Беллинсгаузен” капитан 3 ранга Ярин». Командир с плохо скрываемым злорадством подмахнул и передал выписку Парашину.

Тот читал без интереса, пока не дошел до последней фразы: «Буйковая станция поставлена по настоянию начальника экспедиционного отряда капитана 2 ранга Парашина». Брови поползли вверх, глаза налились кровью.

– Штурман, это что за чушь?!

– Никак нет, это не чушь, это юридический документ.

На лица Ярина и Гапонова, взглядами поощрявших штурмана, легла печать глубокого удовлетворения. От злобы и бессилия начальник экспедиционного отряда скрипел зубами, поиски виновных нужно было прекращать и немедленно начинать нелегкий, долгий процесс списания буйковой станции. А что поделаешь, никуда не деться, так работает бумеранг кармы.

Первый айсберг

Судно упорно шло на юг. Пересекли 53 параллель, навигационных карт на эти районы нет, и штурмана работают на картах-сетках.

После злключений с буйковой станцией шторма в 5–6 баллов эмоций не вызывают. Идет повседневная, рутинная тягомотина – вахта, прием пищи, отдых, вахта... и так круглые сутки. Единственным развлечением было наблюдать за жирующими китами.

Периодически на поверхности появлялись огромные пятна красного цвета – это скопление криля, который с удовольствием пожирают киты.

Надо сказать, зрелище это было захватывающим – огромная машина заныривает под пятно, раскрывает пасть и выныривает. Через ус кит пропускает больше ста тонн воды и отцеживает до полутонны криля, а это миллионы рачков.

Командир, стоя на крыле мостика, наблюдал за семейством китов, уничтожающих очередное скопление криля, и напевал припев популярной песенки:

Если б было море пива,
Я б дельфином стал красивым...

«А что, вот те пиво, вот те креветки, хоть и мелкие, но все же, не жизнь – мечта!»

Ярин огляделся: вокруг ничего, только одинокий поморник парит за кормой, словно при-
вязанный.

– Штурман, глянь в локацию, что у нас там по курсу.

Штурман отложил корректурный журнал, подошел к радиолокационной станции «Дон» и включил высокое. Погонял развертку на десяти милях, ничего интересного не заметил и переключил диапазон на двадцать миль. Прямо по курсу в семнадцати милях била здоровенная отметка. Била четко, без пропусков, на помехи не спишешь. Штурман недоумевал: «Что за хрень такая? Явно не судно, таких судов не бывает, и не остров – нет здесь никаких островов, ближайший остров Буве, так до него как до Юпитера. И чего докладывать?»

– Товарищ командир, прямо по курсу в дистанции семнадцать миль цель. Цель не идентифицируется.

Так у него ловко получилось, что ему самому понравилось, но командир такого штиля не оценил.

– Чего?!

Ярин отодвинул штурмана от тубы радиолокационной станции и прильнул лицом к экрану. Прямо по курсу развертка отбивала большое яркое пятно.

– Ну, и чего у тебя не идентифицируется? Забыл, где находимся, куда идем? Айсберг это!

– А если нет?

– Можешь смело записать в журнал – обнаружили первый айсберг.

Штурман поковырял карандашом в ухе и сделал в судовом журнале соломонову запись: «Прямо по курсу в дистанции 17 миль обнаружена цель, предположительно айсберг».

Во время подготовки к экспедиции он изучил много разных материалов об айсбергах и теперь пытался их систематизировать в своем мозгу. В итоге получилось следующее.

Айсберг – интересное, красивое и опасное явление. В переводе с немецкого «айсберг» означает «ледяная гора».

Свободно плавающих в океане айсбергов много – ежегодно наблюдается по несколько десятков тысяч.

Живут и плавают айсберги долго – лет по пять, но бывают и долгожители – по десять и более лет, и заплывают они бог знает куда, в 1886 году одного такого шатуна обнаружили в Ла-Манше. Совсем не редкость увидеть их в районе Рио-де-Жанейро, а это более 5000 километров от побережья Антарктиды.

Природу айсбергов объяснил еще в XVIII веке Михаил Васильевич Ломоносов – это ледяная гора отламывается от шельфовых, то есть плавучих или частично опирающихся на дно ледников. Точно и понятно, по-ломоносовски гениально.

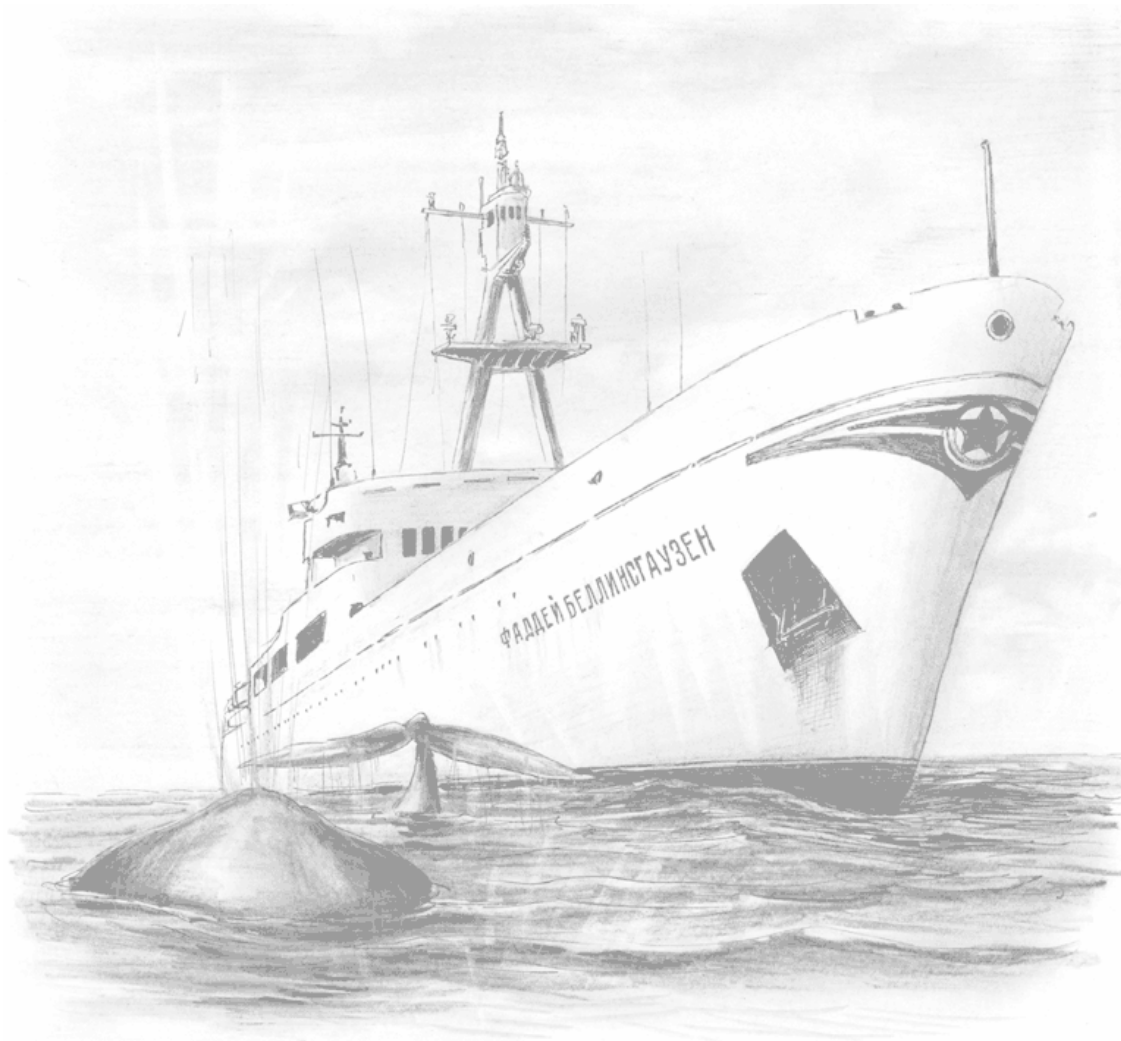
Родина айсбергов на севере – Гренландия, на юге – Антарктида. Северные айсберги опаснее, они могут спускаться до широт, где пролегают трансокеанские маршруты. Все знают, что произошло с «Титаником» апрельской ночью 1912 года.

Айсберги постоянно находятся в состоянии неустойчивого равновесия, при этом две трети объема айсберга находится под водой. Но и то, что торчит над водой, бывает внушительных размеров. В «Книге рекордов Гиннесса» отмечен факт встречи судна с айсбергом размером 335 на 97 километров – размер небольшого европейского государства.

Айсберги бывают пирамидальные и столообразные. Столообразные айсберги не раз принимали за острова, особенно в высоких широтах. Свеженькие айсберги белоснежные, старея, они голубеют или зеленеют, а так называемые черные айсберги – это недавно перевернувшиеся, они темного цвета и плохо различимы на воде.

Вскоре после гибели «Титаника» был создан Международный ледовый патруль, который следит за движением айсбергов и предупреждает суда о возможной опасности.

Вот, собственно, и все его познания.

Вскоре на горизонте показался бугорок. По мере приближения он увеличивался и приобретал четкие геометрические формы. Когда до айсберга оставалось чуть более мили, командир сделал объявление по трансляции:

– Проходим айсберг, желающие могут наблюдать его с правого борта!

Учитывая то, что, за исключением капитана 2 ранга Гапонова, в Антарктике все были впервые, желающих оказалось много. На палубу высыпали все свободные от вахт. Кто с фотоаппаратом, а кто и просто с открытым ртом наблюдали за этим чудом.

Огромная ледяная глыба высотой около ста метров, как будто подсвеченная изнутри изумрудной лампочкой, величественно проплывала по правому борту.

Потом их было много, тысячи, но навсегда запомнился именно этот айсберг – первый.

Командир рассматривал в бинокль удаляющийся ледяной остров и умиротворенно мурлыкал себе под нос:

– Нет, не надо слов, не надо паники,
Это мой последний день на «Титанике»...

Скоро айсберг пропал за горизонтом, Ярин отрезал от списанной карты аккуратную полоску, красным фломастером написал «Помни “Титаник”!» и повесил на переборку над прокладочным столом. Получилось на манер макаровского «Помни войну!».

Будни Антарктики

Впервые пересекли Южный полярный круг, двигаемся на восток вдоль побережья Антарктиды. Идем вдоль кромки льдов, а плавание во льдах дело хлопотное, лишний раз не перекуришь, а еще этот плакат в штурманской рубке – «Помни “Титаник”!» – постоянно держит в напряжении.

С утра наблюдаем сверхдальнюю видимость. Вот она – земля, закованная в лед, словно рыцарь в доспехах, лежит в морозной дреме.

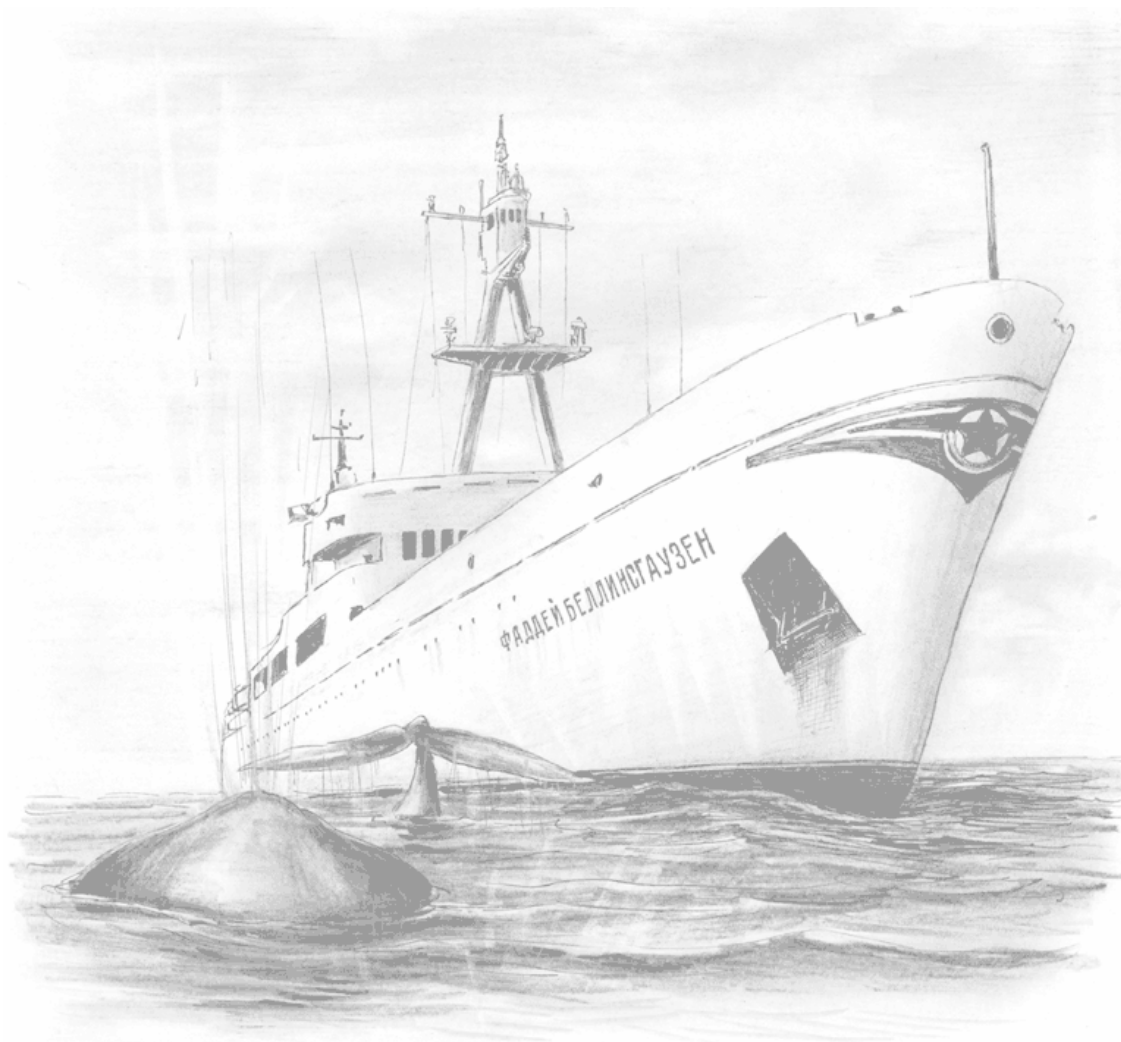
На сотню километров от берега видны горы, ледники, обрывы, ощущение такое, будто ты на краю Земли и дальше уже ничего нет.

Странное это место – зима перепутана с летом, вода в раковине закручивается в противоположную сторону, падающие с ледников стоковые ветры, животный мир необычный, а главное, чувство такое, что ходишь вниз головой, но почему-то этого не замечаешь.

Подходим к заливу Прюдс, где должна состояться встреча с «Адмиралом Владимирским». Погода начала портиться – хмуро, холодно и снег на палубе не тает.

С начала плавания прошло почти два месяца, резкая смена широт и часовых поясов, нехватка кислорода и напряженная работа вызывают усталость.

Старший лейтенант Петров, лейтенант Морев и старший лейтенант Леонтьев, закрывшись в каюте, лениво расписывали пулю. Поле игры было аккуратно расчерчено на обратной стороне маневренного планшета Ш-26М.

Леонтьев в очередной раз обул товарищей и записал на листок циферки долга, которые при очередном заходе в порт превратятся во вполне осязаемые материальные ценности.

– Ну что, господа, до вахты тридцать минут, есть предложение закругляться.

Петров с Моревым согласно кивнули и пошли на ют перекурить. Сан Саныч Петров, нервно затягиваясь, то ли жаловался, то ли возмущался:

– Третий раз он нас делает.

Морев его поддержал:

– Причем влегкую. А главное, рожа у него уж очень довольная!

Решили они, чтоб жизнь Леонтьеву раем не казалась, как-нибудь его разыграть. Сделать это было не просто, слабых мест у Лео практически не было.

Он занимался спортом и категорически не курил. Не употреблял спиртного, все, что он мог себе позволить, – это замороженное в морозильнике пиво, которое он не пил, а ел, вынимая пивную шугу из горлышка бутылки черенком чайной ложки.

Лео был холост и при этом женский пол особым вниманием не награждал, а назойливые приставания буфетчицы – нимфоманки с непомерными вагинальными амбициями – цинично отвергал. Правда, в последнее время он проявил живейший интерес к пингвинам, особо интересовался королевскими, а после нескольких дней пристального наблюдения задался вопросом – как отличить самку от самца?

Он читал умные книжки и был целеустремлен. В отличие от сверстников, строивших планы от зарплаты до зарплаты, Лео точно знал, чего хочет. В будущем он видел себя ученым-преподавателем в родном училище, и это была не мечта, это была уверенность.

Впрочем, была у него одна слабость – был он болезненно брезглив. Брезглив настолько, что ходил в гальюн со своим освежителем на один и тот же толчок, наивно полагая, что, кроме него, им никто не пользуется.

А еще Лео страдал повышенной волосатостью, не росли они только на коленях и на пятках. Каждое утро он шел к умывальнику, проклиная судьбу, брился он спереди до ключиц, а сзади по плечи, чтоб волосы не торчали из-под рубашки.

Долго думали Петров с Моревым и решили использовать леонтьевскую привязанность к фаянсовому другу. Они взяли в метеолаборатории электрохимическую бумагу от телетайпов, аккуратно нарезали и, перед тем как Лео должен был совершить традиционный ежедневный поход в гальюн, заменили ею туалетную бумагу.

Каждый день после ужина старший лейтенант Леонтьев спасался от флотской суеты в своем собственном зазеркалье. У него был приватный портал в параллельный мир, он проходил через заветную дверь, оставляя позади вечно недовольных начальников и надоедливых подчиненных. В том мире он был единственным человеком, и мир этот был прекрасен. Он наслаждался покоем. Но когда его ноги совсем отекали и начинали неметь, ему приходилось вставать с толчка, вытирать зад, открывать волшебную дверь и возвращаться обратно в безжалостный мир регулярной воинской дисциплины.

Ох и непростая была эта электрохимическая бумага, по цвету и на ощупь она мало отличалась от туалетной, а при традиционно приглушенном освещении гальюна становилась практически неотличимой.

Для поддержания нужной оптической плотности, скорости записи и срока хранения электрохимическую бумагу пропитывают пирокатехином, азотнокислым калием, щавелевокислым аммонием, щавелевой кислотой и еще какой-то гадостью с красивым труднозапоминающимся названием. И если этой бумагой потереть кожные покровы, то повреждение эпидермиса вам гарантировано, а если повезет, то возможно повреждение дермы вплоть до сосочкового слоя, а это уже гиперемия и зуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.